

«0, Каракумы жизнь моя...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

"0, Каракумы жизнь моя..." ■ ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

0, Каракумы – жизнь моя,
Пески твои чисты.
Течет пустыня бытия –
Песочные часы.

Песок течет, его влечет
На мировое дно,
На ил похожий и на мед,
Что загустел давно.

А может, то текут века,
То время шелестит?
Лица текучее песка
В мое лицо глядит.

И я песочные часы
Перевернул, как Бог,
До капли крови, до слезы
Вернул я все, что мог.

Часы настенные стучат,
Но стрелки тех часов
Внезапно двинулись назад,
В глубину веков.

Все те, кто спали вечным сном,
Взошли под небосвод.
Все те, кто сжег себя живьем
За правду и народ.

И обнажилось дно холмов,
И пронизала дрожь
Все измышления умов,

Все мужество и ложь.

Лишилась тайна глубины
И неба, и земли,
И человечества сыны
Свободу обрели.

Бай за оставленным добром
Из-под земли восстал.
Сел пеший на коня верхом,
И всадник наземь пал.

И все погибшие за честь
Сошлись к плечу плечом.
И встал с ружьем наперевес
Тот, кто владел мечом.

Свой труд потерянный извлек
Фраги из-под воды.
Реки стремительный поток
Легко смывал следы.

Увидя, что в реке течет
Песок, а не вода,
Стал с того берега народ
Переходить сюда.

Но перейти никто не мог,
Ушла пустыня из-под ног, —
Опять в часах моих
Иссяк песок, и, словно Бог,
Перевернул я их.

Часы настенные стучат,
Как жилка и висок.
Остановились и глядят,
Как сыплется песок.

На ил похожи и на мед,

Что загустел давно,
Текли века за годом год
На мировое дно.

■ ЖУРАВЛИ ХОРАСАНА

Пролетят журавли Хорасана,
Пролетят, как ненастные дни.
От холодной тоски и тумана
Далеко унесутся они.

Опустевшую степь озирая,
Пронесутся, как будто во сне.
И душа, словно птица живая,
Невзначай встрепенется во мне.

Разве можно грустить без причины?
Разве можно расстаться навек,
Наблюдая с холодной равнины
Их широкий стремительный бег?

Каракумы! Печальны и дики
Пожелтевшие травы твои.
Не лови журавлиные крики!
Возвратятся твои журавли.

Кто смеялся – вернется рыдая,
Кто грустил – возвратится в слезах.
Вижу отсвет далекого края
В каракумских пустых небесах.

И вздыхает угрюмая старость,
Но за птицами ей не лететь.
Разобщенному миру осталось
На высокое братство глядеть,

На туманный воздушный рисунок,
На великий размашистый стих.
«Ждите зиму!» Уносится в сумрак

Серебристое пение птиц.

Только верный грустит о потере,
А неверной душа все равно.
Да весны журавли улетели,
До весны закрываю окно.

Только дети кричат, окликают.
Мимо, мимо несутся поля.
Грустно медлит последняя стая,
Улетая в чужие края.

А деревья стоят и роняют
Золотую свою благодать.
Неужели они понимают
Все, что люди не могут понять?

И подсолнух, чалмою кивая,
Не отводит свой пристальный взгляд,
Навсегда журавлей отпускает,
Не мигая глядит на закат.

То ли тело душа покидает,
То ли солнце идет на закат,
То ли зиму весна окликает –
Журавли Хорасана летят.

■ КАРАВАН

Караван идет сквозь дни и годы,
Караван проходит испокон
Сквозь пожары, беды и невзгоды,
Сквозь миражи дремлющей природы,
Сквозь простор и решето времен.

Выпрямив свои кривые выи,
В даль бредут верблюды вековые,
Зной звенит, за веком век грядет,
Дрогнет цепь – усталый упадет

И, подобно рыжему бархану,
Смотрит вслед судьбе и каравану.

Кто упал, а кто еще бредет,
Караван-баши учет ведет.
Ничего, что груз тяжелый давит,
Только шире плечи он расправит.
Все в порядке. Дальше! Горб к горбу,
Каждый на себе несет судьбу.

Что ни горб – история живая,
Что ни выюк – легенда вековая.
Сколько раз из тьмы времен на них
Налетал разбойник, словно стих.

Сколько раз подкашивались ноги.
Свист стрелы, засады на дороге.
Воду с кровью из колодцев пили,
У врагов пощады не просили.

Сколько раз на звенья разбивался
Караван и снова собирался.
Родовая память – горб к горбу
Связывала цепь в одну судьбу.

Караван израненный идет
Горб к горбу, звено к звену – вперед.
Караван истории моей
Год за годом, день за днем длинней.

Бубенец смеется или плачет?
Я хочу пенять, что эта значит.
Жалоба немого? Свет слепого?
Шелест лет? Летящий след былого?
Это смех или предсмертный стон?
Или песня будущих времен?
Стук подков? Биение сердец?
Бьется, бьется, бьется бубенец.

Бубенцу веселому внимаю,
Но тоски его не понимаю.
Пусть его поймет вперед идущий,
Груз несущий, в лад ему поющий,
Мудрый и веселый человек...

Караван идет из века в век,
Не сдаваясь холоду и зною,
Путь-дорогу, меряя судьбою.
Он идет, рождая солнце справа,
Слева – провожая на закат.
Может быть, история кровава.
Новый день – ни в чем не виноват.

Меры нет пространствам и дорогам,
Радостям, надеждам и тревогам.
Свет верхи барханов золотит,
Что ему грядущее сулит?

Караван, возьми меня в дорогу,
Пригожусь на что-нибудь, ей-богу.
Ну, а нет, так песню запою,
Чтобы разогнать печаль твою.

■ БЕГЛЕЦ

Он убежал в пустыню, нелюдим,
Идет, бредет в обманчивые страны.
Лежат как на ладони перед ним
Холмы, лощины, впадины, барханы.

Нет горизонта. Мир за ним следит.
Влачится след, и тень за ним хромает.
Зароется в песок – но налетит
Горячий ветер и песок сдувает.

Повылезла вся живность из щелей,
Полна пустыня шепота и гула.
Круги сужает коршун все страшней,

Змея глядит с сухого саксаула.

На задних лапках суслики стоят,
Как будто приговор ему читают.
Глаза пустыни сквозь него глядят
И за пустей мираж его считают.

Глаза, глаза глядят со всех сторон,
И каждая былинка, как иголка.
И до колодца дотащился он –
Тот целился в него, как одностволка.

А он подумал: вот его предел,
Под жгучим зноем вот его остуда!
И броситься в колодец захотел,
Но кто-то на него глядел оттуда...

МУРГАБ

Струится прохладный Мургаб в тишине,
Как девичьи косы по жаркой спине,
Как ясные мысли в душе старика.
Струится бессонная эта река,
Как девичьи косы по жаркой спине,

Струится прохладный Мургаб в тишине,
Ночную луну затая в глубине.
В пути раздвигая густые сады,
Струится широкая складка воды,
Ночную луну затая в глубине.

Срывая цветы по своим берегам,
Струит свои струи бессмертный Мургаб.
Влюбленные пары приходят к нему –
Их клятвы и слезы уносит во тьму,
Струит свои струи бессмертный Мургаб.

Как мирная жизнь наяву и во сне,
Струится прохладный Мургаб в тишине.

Бежит сквозь глухие пески и века,
Как ясные мысли в душе старика;
Струится прохладный Мургаб в тишине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тридцать лет ждала его невеста.
Как ждала, об этом неизвестно.
А когда ей стало пятьдесят,
Ей приснилось, что пришел солдат.

И она спросила: – Это ты?
– Да! – ответил тот из пустоты.
И во сне подвинулась невеста
И ему освободила место.

Сон ее с ума не свел.
Разве можно столько ждать ночами,
Чтоб на ложе старости взошел
Юный призрак с чистыми очами?!

■ ДУРНОЙ ГЛАЗ

Я глянул: вот огромная чинара,
Веками не страшившаяся бурь,
Вершиной уходящая в лазурь,
Корнями – в глубину земного шара.
Но высохла от времени чинара.

Я глянул: вот огромная река,
Рожденая высокими снегами,
Стесненная крутыми берегами,
Текущая в далекие века.
Однако пересохла и река.

Теперь два глаза смотрят на меня:
Из прошлого и будущего дня.
Я не был ни чинарой, ни рекою,
Я в мире одного хотел: покоя.

Но сзади глаз, и глаз передо мной,
Я не пойму: какой из них дурной?

■ ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Люблю я трех женщин – едино
Тремя наделил меня Бог.
Мужчина – еще не мужчина,
Когда не дано ему трех.

Мне первая сразу приснилась,
Я первую выдумал сам.
Вторая пока не явилась...
А третья идет по пятам.

* * *

По вечерам у каменной гряды
Река текла спокойно, без движенья.
И девушка сидела у воды
И на свое глядела отраженье.

Вот поднялась, мелькнув, как тень надежды,
Как облака, сошли с нее одежды.
И, глядя в воду, больше никуда,
Она ступила – вздрогнула вода.

Река забыла свой привычный путь,
Вода навстречу быстро поднималась
И выпрямилась по девичью грудь,
Но дальше не пошла – и задержалась.

А солнце из-за каменной гряды
Еще ловило краткое мгновенье,
Бросая взгляд на зеркало воды
И озаряя вечное виденье.

■ РЕВНИВАЯ ЖЕНА

Одна жена любила мужа своего,

Но глупой ревностью измучила его.

Когда на женщин он глядел случайно,
Она впадала в ярость чрезвычайно.

Но кроме своей собственной жены,
Муж никого не знал со стороны.

Он чтит закон, святыя узы брака,
Был к остальному глух.

Жена, однако,

Все время ревновала. Он терпел.

Но вот он умер...

Случай ли приспел,

Настал ли срок, жена ли доконала?

Нам неизвестно.

Но жена рыдала

И волосы на голове рвала.

От горя пожелтела, как трава.

Рыдать и слезы лить вдове пристало.

Но через сорок дней и слез не стало.

Законно мужа предала земле

И через сорок дней пришла к мулле.

«Я виновата, ты прости мне это.

Мулла, ты можешь видеть оба света.

Порадуй же меня, скажи о том,

Как поживает муж на свете том».

Соврать мулле ну ничего не стоит:

Давно на лжи он свое счастье строит.

Открыл он книгу, стал по ней гадать,

И молвил так: «Ты можешь не страдать».

Мы знаем все, для нас все тайны зримы.
Находится в раю твой муж любимый,

И окружают гурии его.
Спокойна будь за мужа своего.

Он счастлив, никаких забот не знает,
И пенье гурий слух его ласкает».

Она как порох вспыхнула тотчас,
Не слезы – искры брызнули из глаз:

«Он счастлив? Веселится? Как он смеет,
Когда его жена с тоски желтеет!

Я разгоню весь этот рай святой
И в ад толкну его своей рукой!»

Она тряслась в припадке озлобленья,
И рот раскрыл мулла от удивленья.

А женщина ревнивая вослед
Отправилась за мужем на тот свет...

■ БАБОЧКА

У зарева лампы моей
Ты с собственной тенью играла,
Всех краше была и милей,
Но только себя признавала.

Себя ты любила, себя.
И тень, доверяя полету,
Во всем повторяла тебя.
Но вышел паук на охоту.

Широкую сеть в тишине
Тянул он из темного края.
Рисунком на белой стене.
Плыла ты, себя удивляя.

Безмолвный хозяин сетей
Следил за тобою украдкой.
Спустившись по нитке своей,
Тебя он схватил мертвой хваткой.

Легко ты играла с судьбой,
Беспечно витала и звездно.
Но жизнь не играла с тобой.
Ах, бабочка, бабочка!.. Поздно!

■ ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

По дому ходит ветер. Старый кот
Роняет чашку. Сон ко мне нейдет.

Мне в полумраке хорошо видна,
Лежит, раскрывшись, женщина одна.

Белеет одеяло в стороне,
А вся она – как снег на целине.

Я вижу печь, не замечая печь.
Но, впрочем, что я... Не об этом речь.

В печной трубе то ветер засвистит...
То слышно, как чинара шелестит.

Ночь за окном стоит черным-черна,
Как брешь, сияет полная луна

И говорит о женщине со мной:
«Наверное, ей холодно. Укрой...»

Моя любовь сиянием своим
Ее укрыла, словно легкий дым.

Запели петухи со всех сторон,
Прохладный ветер отлетел как сон.

■ ЖАРА

Жар несносно палит. Всюду слышится звон.
Этот воздух, как женская страсть, раскален.
Невозможно дышать! Купол неба, о, друг,
Подними, подними надо мной, как туйнук.

Ты одет – и одежда тебя обжигает,
Ты разделся – и тело твое обгорает.
Расстегнешь тесный ворот – дыши не дыши,
Толку мало. Ты полностью грудь обнажи!

И на голову шкуру барана надень,
А не то и мозги поплывут набекрень.
Выгорает трава – синь порошина света...
Так бывает в разгаре туркменского лета.

Чаша белого зноя наполнена всклень,
Все живое уходит и прячется в тень.
Ну так что ж! Как ни жарки мои Каракумы,
Но от них – мои лучшие чувства и думы.

■ ДВА ПОЭТА

Поэты жили разными мирами,
Поэты были страшными врагами.

Печать вражды на их дымилась лицах
И становилась притчей во языцах.

Но странно, что ни тот и ни другой
Не ревновал к известности чужой.

Что значит слава, значит ли она –
То вечные покажут времена.

Но, воздавая поровну почет,
За каждым шагом их следил народ.

Меж тем за плохо сказанное слово
Готов был растерзать один другого.

Ни в чем, ни разу в жизни не сошлись
И по могилам разным разошлись.

...На полке рядом книги их стоят –
Ирония судьбы, как говорят.

Врагами были два больших поэта,
Но книги дружат, несмотря на это.

Перевод с туркменского
Юрия КУЗНЕЦОВА.

#камертон_2011, N"24 Goşgular